

на платформе

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ

letmeprint.ru

ЛЕРМОНТОВ

без глянца

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург
2022

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
Л49

Составление и вступительная статья
Павла Фокина

Л49 **Лермонтов** без глянца / [сост., вступ. ст. П. Фокина]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 239 с. — (Серия «Без глянца»).

ISBN 978-5-517-08515-3

В этой книге собраны отрывки из воспоминаний современников М. Ю. Лермонтова, его друзей и родных. За многочисленными голосами, каждый из которых претендует на беспристрастность, читатель сможет различить могучий и противоречивый образ великого поэта.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-08515-3

© Фокин П. Е., составление, вступительная
статья, 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

*Светлой памяти
Валентины Семеновны
Гончаренко*

«Я другой»

Материя Лермонтова была высшая, не наша, не земная. *Зачатие* его было какое-то другое, «не земное», и, пиша Тамару и Демона, он точно написал нам «грех своей матери». Вот в чем дело и суть.

В. В. Розанов

Футуристы-забияки в молодые свои дни шумно воевали с наследием прошлого, с хулиганским задором разгуливая по палубам «корабля современности», круча, бурлюкая и маяча, выбрасывали за борт Пушкина, Достоевского, Толстого, давали пинка Бальмонту и Брюсову, в загривок выпихивали Леонида Андреева и Горького. Многим досталось. А вот Лермонтова трогать поостереглись. И правильно. Он хоть и ростом не вышел, и фигурой неказист был, но крепость в руках имел могучую — шомпола в узел вязал на спор. За словом тоже в карман не лез, мог так приложить, что никакими «самовитыми» речами будетляне не отбились бы.

К. А. Бороздин, современник Лермонтова, рассказывал: «Двадцать лет спустя после кончины Лермонтова мне привелось на Кавказе сблизиться с Н. П. Колюбакиным, когда-то разжалованным за пощечину своему полковому командиру в солдаты и находившемуся в 1837 году в отряде Вельяминова, в то время как туда же прислан был Лермонтов, переведенный из гвардии за стихи на смерть Пушкина. Они вскоре познакомились для того, чтобы скоро раззнакомиться благодаря невыносимому характеру и тону обращения со всеми безвременно погибшего впоследствии поэта. Колюбакин рассказывал, что их собралось однажды четверо, отпросившихся у Вельяминова недели на две в Георгиевск, они наняли немецкую фуру и ехали в ней при okazji, то есть среди небольшой колонны, периодически

ходившей из отряда в Георгиевск и обратно. В числе четверых находился и Лермонтов. Он сумел со всеми тремя своими попутчиками до того перессориться на дороге и каждого из них так оскорбить, что все трое ему сделали вызов, он должен был наконец вылезть из фургона и шел пешком до тех пор, пока не приискали ему казаки верховой лошади, которую он купил. В Георгиевске выбранные секунданты не нашли возможным допустить подобной дуэли: троих против одного, считая ее за смертоубийство, и не без труда уладили дело примирением, впрочем, очень холодным».

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.

И случись футуристам отыскать на «корабле современности» Лермонтова, заваруха была бы та еще! Что говорить, Лермонтов — это вечно звонкая «пощечина общественному вкусу». Прославившие некогда Маяковского дерзкие строки его сатирических плевков вроде «Вам» или «Нате!» — всего лишь робкое покашливание по сравнению с финалом «Смерти поэта»:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть и Божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоее всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Какое невероятное напряжение звука и синтаксиса — точно жгутом свитые строки! Прошло уже сто семьдесят лет, а гнев и ярость, в них заключенные, клокочут с неугасающей силой. До озноба в сердце. И не безобидному буржуа «с котлетою вместо усов» сказано, а «властителям и судьям», которые и в каземат упрячут, и следствие учинят, и расправятся без жалости. Сильный, Лермонтов признавал только сильных противников.

О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

Современники боялись Лермонтова. Недолюбливали. Чурались. Он был им чужой — его одинокий парус навсегда «белеет в тумане моря голубом», борясь со стихиями и судьбою, а не с собратьями по перу.

— Скажите, Михаил Юрьевич, — спросил поэта князь В. Ф. Одоевский, — с кого вы списали вашего Демона?

— С самого себя, князь, — отвечал шутливо поэт, — неужели вы не узнали?

— Но вы не похожи на такого страшного протестанта и мрачного соблазнителя, — возразил князь недоверчиво.

— Поверьте, князь, — рассмеялся поэт, — я еще хуже моего Демона.

В каждой шутке есть доля истины. Что имел в виду Лермонтов, когда говорил, что он *хуже* Демона? Злее? Грубее? Развратнее? Если видеть в ответе Лермонтова некое признание собственной душевной порочности, то, конечно же, это будет глубокой ошибкой. Думается, смысл лермонтовских слов в ином. Демон — воплощение отверженного зла и гордыни, фигура романтическая, имеющая многовековую культурную биографию, образ могучий и — *цельный*. Поэту же такой цельности дано не было. Он был дитя нового века, «дитя неверия и сомнения», как скажет о себе его младший современник Достоевский.

Древняя легенда очаровывала ум, пленяла сознание и — *тревожила своей гармонией*, в ней зло было злом, а добро — добром. В сердце поэта такой ясности не было. Его равно манили разрушительный блеск зла и творящее сияние святости, носящийся меж темных облаков демон и поющий тихую песню ангел, летящий по небу полуночи, циничное буйство гусарства и трепетная нежность невинности, Бородино и остров Святой Елены, защитники Москвы и Наполеон, гордые чечены и лихие казаки, светская жизнь и деревенская идиллия, порок и добродетель. Пот, грохот и дым сражений и нежные ласки пери. Любовь и кровь. И всего хотелось — и ничто не было желанно.

Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна.

Вечное томление духа и неразборчивая трата сил.

Я к состоянью этому привык,
Но ясно выразить его б не мог
Ни ангельский, ни демонский язык:
Они таких не ведают тревог,
В одном всё чисто, а в другом всё зло.
Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого.

Демону жить проще...

Еще при жизни Лермонтова сложилось мнение о нем как о преемнике Пушкина. И хотя в последующие годы критика (в первую очередь В. Соловьев, В. Розанов, Д. Мережковский) нарочито пыталась подчеркнуть самобытность Лермонтова, указывая на оригинальность и самостоятельность его музыки, в сознании большинства (спасибо школе!) он по-прежнему остается «младшим братом» Пушкина.

Лермонтов, безусловно, многому учился у Пушкина. Его любовная лирика — целиком в пушкинской тональ-